

Джеймс Кервуд

Погоня

Джеймс Кервуд

Погоня

«Public Domain»

1916

Кервуд Д. О.

Погоня / Д. О. Кервуд — «Public Domain», 1916

«Все казалось новым, а очень многое из этого нового – даже драматичным и страшным, – молодой женщине, сидевшей с низко опущенной на лицо серой вуалью. Вот уже восемнадцать часов, как она, широко раскрыв глаза от удивления и не без испуга, зорко приглядывалась к этому движению человеческой «орды». Она слышала, как всех этих пассажиров назвал «ордой» какой-то сидевший позади нее человек густым, грубым голосом, приглушенным бородой, о существовании которой она могла бы догадаться, даже и не посмотрев на этого пассажира. Это действительно была орда, та самая орда, которая всегда пробивает пути для цивилизации, идет впереди нее и составляет плоть и кровь будущей нации. Вот уже целые месяцы, как она настойчиво и упорно тянулась к этим горам, – все время вперед, никогда назад, – смеявшаяся, кричавшая, распевавшая и сквернословившая орда, каждый мускул которой был полон силы и каждое отдельное лицо которой было коричневым от загара. Только два падших ангела были не таковы. Один из них – черноглазая девушка с ярко покрашенными губами и наруганными щеками, сидела как раз напротив пассажирки в вуали. Дама в вуали продолжала слушать рассказ бородатого пассажира и его спутников, которые сидели позади нее...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	18
Глава V	20
Глава VI	22
Глава VII	25
Глава VIII	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джеймс Оливер Кервуд Погоня

* * *

Глава I

Все казалось новым, а очень многое из этого нового – даже драматичным и страшным, – молодой женщине, сидевшей с низко опущенной на лицо серой вуалью. Вот уже восемнадцать часов, как она, широко раскрыв глаза от удивления и не без испуга, зорко приглядывалась к этому движению человеческой «орды». Она слышала, как всех этих пассажиров назвал «ордой» какой-то сидевший позади нее человек густым, грубым голосом, приглушенным бородой, о существовании которой она могла бы догадаться, даже и не посмотрев на этого пассажира. Это действительно была орда, та самая орда, которая всегда пробивает пути для цивилизации, идет впереди нее и составляет плоть и кровь будущей нации. Вот уже целые месяцы, как она настойчиво и упорно тянулась к этим горам, – все время вперед, никогда назад, – смеявшаяся, кричавшая, распевавшая и сквернословившая орда, каждый мускул которой был полон силы и каждое отдельное лицо которой было коричневым от загара. Только два падших ангела были не таковы. Один из них – черноглазая девушка с ярко накрашенными губами и нарумяненными щеками, сидела как раз напротив пассажирки в вуали. Дама в вуали продолжала слушать рассказ бородатого пассажира и его спутников, которые сидели позади нее. Она узнала, что стали требовать уже по пятьсот быков еженедельно, чтобы прокормить всю эту орду, рассыпающуюся вдоль Тихоокеанской магистрали между Хоганс-Каммом и морем, и что у Желтой Головы, вокруг которой целые века все спало непробудным сном, только изредка нарушавшимся каким-нибудь бродячим индейцем, за два-три месяца уже скопилось две тысячи человек, и основался целый город. Затем поезд остановился у какой-то станции, и бородатый пассажир со своим спутником вышли из вагона. Вуаль опущена. Из-под нее выбился только один блестящий локон; вот и все, что они, уходя, могли заметить.

Когда они ушли, дама в вуали с облегчением вздохнула. Она увидела, что вышли также и многие другие. В том конце вагона, где она сидела, уже не осталось никого, кроме нее самой и девушки с намазанными щеками. Даже оставшись в одиночестве, эти две женщины не решились сразу заговорить. Одна из них подняла вуаль, и глаза их встретились. Она встретила с голубыми, глубокими, спокойными, прекрасными глазами. Поднятая вуаль открыла перед ней лицо, в котором не было ничего общего с ордой. Ей улыбнулись чистые губы, и удивительные глаза посмотрели на нее с участливым вниманием, а затем вуаль опустилась вновь. Естественный румянец сошел с накрашенных щек девицы, и она улыбнулась в свою очередь.

– Вы едете к Желтой Голове? – спросила она, наконец.

– Да, – ответила дама под вуалью. – Можно мне пересесть на минуту к вам? Мне так бы хотелось задать вам много-много вопросов!

Девушка с накрашенными щеками посторонилась и дала ей около себя место.

– Вы, вероятно, новенькая?

– Да, я совсем еще новичок к этим местам.

Слова и манеры, с которыми они были сказаны, заставили девушку с накрашенными щеками косо посмотреть на пассажирку в вуали.

– Как это страшно отправляться к Желтой Голове, – сказала она. – Это ужасное место для женщины.

– Но ведь вы сами едете туда же?

– Да, но у меня там есть знакомые. А у вас?

– Ни души.

Девица посмотрела на нее с удивлением. Теперь уже она стала смелее.

– И вы едете туда, не имея там знакомых? – воскликнула она. – Именно туда? Ни мужа, ни брата, никого?

– А это какая станция? – перебила ее собеседница, опять поднимая вуаль. – Не расскажете ли вы мне что-нибудь о ней?

– Это – Миэтта, – ответила девица, вновь покраснев от естественного румянца. – Здесь главное поселение стоит возле железной дороги. Вы увидите сейчас за окном реку Атабаску.

– Долго здесь будет стоять поезд?

– Достаточно долго – сказала она, – чтобы я попала к себе в Желтую Голову только поздней ночью. Мы простои́м здесь целых два часа.

– Я очень была бы рада, если бы вы сказали мне, где бы я могла помыться и чего-нибудь поесть? Я не особенно голодна, но ужасно пропылилась. Хотелось бы и переодеться. Есть здесь гостиница?

Для накрашенной девицы вопрос этот показался уже совсем наивным. Раньше чем на него ответить, она хихикнула.

– Ну, вы совсем еще неопытная! – воскликнула она. – Да какие же здесь гостиницы? Есть здесь харчевни, палатки и ночлежные дома. А, впрочем, спросите заведение Биля на Площадке. Там очень хорошо. Там дадут вам помещение, много воды и зеркало и возьмут с вас только доллар. Я бы проводила вас, да ожидаю своего знакомого, он должен встретить меня здесь попозже. Если уйду, могу его прозевать. Это красная с белым палатка – и там все благородному.

Незнакомка поблагодарила ее и отошла к своим вещам. Когда она затем вышла из вагона, то оставшаяся проводила ее с мрачным блеском погребальных свечей. Она уставилась на удаляющуюся высокую, стройную фигурку и вдруг почувствовала зависть и что-то вроде затаенной ненависти. Позади нее послышались шаги, но она не заметила их. Чья-то рука фамильярно хлопнула ее по плечу, и грубый смех раздался прямо над ее ухом, так что она вскочила и вдруг радостно вскрикнула. Вошедший мужчина кивнул головой в сторону вышедшей дамы.

– Это твоя новая подруга? – спросил он.

– Какая там подруга! – возразила девица. – Это какая-то святоша, приехавшая спасать всех. Она такая невинная, что даже удивляется, почему это в Желтой Голове нет удобных помещений для знатных дам, которые едут без прислуги. Ну уж я и удружила ей! Послала ее прямо к Билю, сказав, что там самое приличное место. Ха-ха-ха!..

В припадке нахлынувшей веселости она повалилась на сиденье, а ее знакомый, улучив минутку, выглянул в окошко.

Высокая голубоглазая незнакомка остановилась на секунду на последней ступеньке вагона, чтобы заколоть вуаль, и теперь лицо у нее было совсем открыто. Затем она сошла на землю и взглянула на солнце и горы. Она медленно и глубоко вздохнула и, забыв обо всем, с удивлением стала озираться по сторонам. Миэттскую долину со всех сторон окружали горы, поднимавшиеся вплоть до самых плешивых вершин из серого шифера или покрытых вечными сверкавшими снегами. Сюда, в эту чашу, образуемую горами, солнце потоком лило свои лучи. Она задышала быстрее; щеки ее запылали; отразив в себе голубое небо, ее глаза стали еще синее. Легкий ветерок заколебал вокруг лица выбившиеся кольца каштановых волос. Такой увидел ее небритый человек, смотревший из окна вагона, и не прошло и часа, как девица с накрашенными щеками с удивлением заметила происшедшую в нем странную перемену.

Поезд остановился в конце громадной насыпи, протянувшейся через долину. Это был тяжелый поезд; поезд, который помогал делать историю, – комбинация из товарного, пассажирского и скотского, Поднимаясь к Желтой Голове, к конечной точке рельсового пути, он едва делал в среднем по восемь миль в час. Двуногий скот уже выскочил из душных, вонючих помещений и шумным потоком разлился вокруг. Десять или двенадцать пассажиров различных национальностей тоже вышли из вагона. Дама с вуалью смотрела на них без насмешки и пренебрежения, но с внезапно забившимся сердцем и с улыбкой, в которой в одно и то же время отражались и гордость, – и удивление. Это была частица той же орды, представитель-

ница тех примитивных, но чудовищных сил и страстей, которые в своем стремлении соединить новую Великую Тихоокеанскую магистраль железной дороги с портом на Тихом океане сворачивали с места горы.

Эти люди не признавали поражения. Она чувствовала это и раньше, когда еще не видела их воочию. Для нее эта орда имела и сердце, и душу. Это были строители своей империи, это были люди-звери, которые давали возможность цивилизации ползти настойчиво и без помехи в новые места и создавать новые миры. С каким-то странным замиранием сердца она вспомнила теперь о тех маленьких, одиноких, заброшенных деревянных хижинах, которые видела из окна вагона.

Из-за деревьев вдаль замелькали палатки. До нее доносились теперь говор и смех сотен голосов и звуки граммофона. Внизу, на повороте, ей пришлось посторониться, чтобы пропустить фуру. Она была нагружена ящиками, которые подпрыгивали и стучали. Возчик даже и не посмотрел на нее. Он сдерживал лошадей, чтобы они не понесли. Пот катился с него градом. Девушка невольно улыбнулась. Затем она увидела подпрыгивавшие ящики, и ее улыбка сразу сменилась холодным ужасом. На телеге было написано красноречивое слово: «Динамит».

Два человека шли позади нее.

– Шесть лошадей, телега и старый Фриц – полетели к черту, – говорил один из них. – Мокрого места не осталось. Я был там через три минуты после взрыва, так ни от упряжи, ни от лошадей не осталось и волоска. Этот динамит – чертовская штука. Я не согласился бы иметь с ним дело и за миллион!

– Лучше просить милостыню, – ответил другой.

Девушка опять остановилась, и, поравнявшись с ней, два человека от удивления широко раскрыли глаза. Взрыв всего динамита, который так неосторожно вез Джо, не мог бы поразить их так, как удивила красота ее личика, когда она спокойно и с любопытством посмотрела на них.

– Я разыскиваю постоянный двор Биля, – обратилась она к ним. – Не можете ли указать мне, как туда пройти?

Мужчины молча переглянулись. Старший, достаточно уже старый для того, чтобы на него могла производить впечатление женская красота, перекинул за другую щеку табачную жвачку, наклонился и указал под деревья.

– Так прямо и идите, – сказал он. – Третий барак направо, с занавесками, как у цирюльника. Слышите граммофон? Ну, так это у него и есть!

– Благодарю вас.

Она пошла далее.

Двое мужчин как остановились, так и продолжали стоять, не двигаясь с места. Казалось, что младший не мог опомниться.

– Она? К Билю? – ужаснулся он. – Я хотел было ее предупредить! Не верится...

– Чепуха! – перебил его старик. – Ну стоит ли?..

– Нет, не чепуха. Она не из того сорта. Она выглядит, точно Мадонна; это не такая девица. Я никогда еще не видел такой писаной красавицы. Можете называть меня дураком, сколько угодно, но я отправляюсь сейчас к Билю.

Он бросился вперед. Старик подскочил к нему и схватил его за руку.

– Да пойдете, чудак вы этакий! – крикнул он. – Вы еще не доросли или уже переросли, чтобы ходить к Билю. Кроме того, – солгал он, увидев, как вдруг засверкали глаза у его спутника, – я знаю ее. Она идет, куда ей надо.

Дойдя до Биля, мужчины затаили дыхание и стали смотреть. Они не были новичками по части именно такой девушки, какая прошла перед ними сейчас, но такой спокойной и невозмутимой они не видели еще никогда. Там уже было несколько гуляк, которые курили и слушали граммофон, в эту минуту переставший играть, так как на нем меняли пластинку. Девушка

гордо подняла голову. Она начинала понимать, что лучше было бы оставаться голодной и в пыли. Но она зашла слишком далеко решила добиться того, чего хотела. Она так и вспыхнула вся, когда увидела самого Билья, склонившегося над своим прилавком. В нем она тотчас же угадала зверя. Это было написано у него на лице, в его голодных, пронырливых глазах, на его толстых испитых щеках и затылке. Но на этот раз и сам Биль растерялся.

– Вы, кажется, сдаете комнаты за плату, – спокойно обратилась она к нему. – Могу ли я воспользоваться одной из них, пока стоит поезд, который идет потом к Желтой Голове?

Гуляки насторожились и перегнулись вперед. Один из них подмигнул Билью. Это помогло тому выдержать вопросительный взгляд голубых глаз. Никто из них не заметил появления на пороге незнакомца. Биль выступил вперед из-за своего прилавка и посмотрел на нее.

– Пожалуйста! – сказал он и раздвинул перед нею драные занавески.

Она последовала за ним. Когда занавески за ними опустились, толпа гуляк разразилась громким смехом. Незнакомец, все еще стоя у порога, выколотил свою трубку и сунул ее в боковой карман своей фланелевой рубашки. Он был без шляпы. Волосы у него были светлые, немного с проседью. На вид ему было около тридцати восьми лет, он был почти одинакового роста с девушкой, имел тонкую талию и широкие, атлетические плечи. Его нельзя было назвать красивым, но в нем было что-то такое, что привлекало к нему самому и к его физической силе. Он не принадлежал к орде. Наоборот, считал себя выше ее, презирал этих бражничавших, сомнительного вида людей, и было в его позе что-то вызывающее и дерзкое, когда он смотрел на занавески и ожидал.

То, чего он ожидал, скоро и последовало. Это было не обычное хихиканье, не обычный обмен непристойностями и двусмысленными жестами, какие обыкновенно происходили за занавесками. Биль не вышел оттуда, потирая себе руки, и с лицом, предвкушавшим удовлетворение. Выскочила сперва девушка. Она отбросила в стороны занавески и на секунду остановилась. Лицо ее пылало, как огонь, синие глаза сверкали, как молнии. Она сделала шаг вперед. Биль последовал за ней и уже протянул вперед руку.

– Ну, зачем же, девочка, обижаться? – старался он ее убедить. – Ну, смотри сюда, будь умненькая. – Он не продолжил. Стоявший на пороге незнакомец выступил вперед и стал рядом с девушкой.

– Кажется, вы ошиблись? – обратился он к ней тихим, спокойным голосом.

Она взглянула на него, на его чисто выбритое, странно привлекавшее к себе лицо, на всю его изящную фигуру, ясный твердый взгляд и ответила:

– Да, ошиблась, ужасно ошиблась!

– Не бойся, душечка, – продолжал Биль, – тебя здесь никто не обидит. Смотри сюда! Видишь ты это?

Он протянул ей деньги. Девушка никогда не предполагала, что человек был способен нанести такой страшный удар, притом так стремительно, как это сделал сероглазый незнакомец. Это был удар, от которого Биль полетел, как мяч. Девушка выскочила вон, даже не поняв, в чем дело.

– К счастью, я видел, как вы туда вошли, – объяснил ей незнакомец. – Я так и думал, что вы были введены в заблуждение. Я ведь слышал, как вы спрашивали, где бы здесь можно было приютиться. Если хотите последовать за мной, то я проведу вас к своим знакомым.

– Если это вас не очень затруднит, – ответила она, – пожалуйста! А за то, что вы сделали сейчас, позвольте мне вас горячо поблагодарить!

Глава II

Они пошли вдоль просеки, по бокам которой стояли разнокалиберные и разноцветные бараки и палатки маленького зарождающегося городка. Иногда попадались бревенчатые постройки, которые придавали этому поселению некоторую солидность. Девушка не особенно к ним присматривалась. Она чувствовала, что все их оглядывались. Она ясно расслышала выражения удивления и любопытства со стороны двух мужчин и одной девушки, расстилавших перед палаткой одеяла. Она взглянула на шедшего рядом с ней человека и оценила его воспитанность, так как он не навязывал ей своего знакомства. Ее глаза весело сверкнули.

– Все это для меня странно и ново, – сказала она наконец. – Почему все они на меня так смотрят? Что во мне любопытного?

– Никто из них никогда еще не видел такой красивой женщины, – резко ответил он.

Их глаза встретились. Он прямо ответил на ее вопрос. В его манере и во взгляде не было ничего оскорбительного. Тем не менее ее губы задрожали, а лицо вспыхнуло. Она улыбнулась.

– Простите меня, – взмолилась она. – Неужели здесь, в этих диких местах, вы не находите нужным скрывать ваши мысли?

– Я высказал не свои мысли, – поправил он ее, – а сказал то, что они думают о вас.

– О, в таком случае прошу извинения.

– Не беспокойтесь, – ответил он непринужденно и теперь уже весело посмотрел ей в глаза. – Мне незачем говорить вам, что здесь, между этими горами и морем, вы не встретите более странного человека, чем я. Я, например, не привык ухаживать за женщинами. Я представляю им действительность, как они хотят, без всякого личного участия с моей стороны. Но, – надеюсь, что вы ничего не будете иметь против моего признания, – я последовал за вами к Билу только потому, что вы мне показались необыкновенно красивой, и что я ожидал, что там разыграется сцена.

Они достигли конца улицы и вышли на небольшую зеленую поляну, по которой ноги ступали, точно по бархату. В дальнем краю этой полянки виднелись приютившиеся между деревьями две или три палатки. Мужчина повел ее к ним.

– Ну, и разрушил же я все их планы! – продолжал он с оттенком иронии в голосе. – Это было действительно геройским поступком с моей стороны. Не правда ли? Вероятно, вы сгораєте от нетерпения высказать мне это, только не решаетесь. А я немножко недоволен собой, что заинтересовался вами больше, чем следовало бы. Но это потому, что я – литератор. Я сочиняю книги. Мое имя – Джон Альдос.

Его спутница вскрикнула от удивления и остановилась. Сама того не сознавая, она крепко схватила его за руку.

– Вы Джон Альдос? – воскликнула она. – Тот самый, который написал роман «Женщины» и «Светские приличия»?

– Да, – ответил он ухмыляясь.

– Я не читала ваших книг, но видела на сцене ваши пьесы. Вы – ненавистник женщин!

– Пламенный.

Она глубоко вздохнула. Ее рука соскользнула с его руки.

– Это очень, очень забавно, – проговорила она, глядя на освещенные солнцем горные вершины. – Вы сдираете с женщин кожу живьем и тем не менее...

– Миллионы женщин читают мои книги, – усмехнулся он.

– Да, все они читают ваши книги, – ответила она, прямо посмотрев ему в лицо. – И это потому, что вы действительно правы.

Теперь пришла его очередь удивляться.

– Вы так думаете?

– Да. Даже более. Я и раньше всегда думала, что поняла ваш секрет: скрывать под разными соусами громадную истину, за которую, если бы вздумали высказать ее прямо, весь свет поднял бы вас на смех. Итак, вы презираете меня!

– Не вас лично.

– Но ведь я – женщина.

Он засмеялся. На его загорелом лице выступил густой румянец.

– Мы даром теряем время, – предупредил он ее. – Я слышал, как вы говорили Билю, что спешите на поезд, который отправляется к Желтой Голове. Я хочу угостить вас настоящим обедом. А теперь... Как мне отрекомендовать вас моим знакомым?

С минуту она решительно и смело смотрела ему в глаза.

– Мое имя – Иоанна, то самое имя, которое вы дали в вашем произведении самой ужаснейшей из женщин. Иоанна Грэй.

– Очень сожалею об этом, – ответил он с низким поклоном. – Пойдемте. Если не ошибаюсь, пахнет свежее испеченным хлебом.

Когда они двинулись вперед, он вдруг неожиданно схватил ее за руку. В его глазах вспыхнул какой-то новый огонек.

– Нашел, – воскликнул он. – Вы дали мне идею. Все время я придумывал имя для нее, для героини моего нового романа, и до сих пор никак не мог его придумать. Теперь я назову ее – Ледигрей.

Девушка сделала шаг назад. Его удивило, как вдруг вспыхнули у нее глаза и как изменился цвет лица. Она быстро задышала.

– Вы возражаете? – спросил он.

– Не настолько, чтобы запретить вам, – ответила она, понизив голос. – Я и так уже многим вам обязана.

Он заметил, как быстро она овладела собой, высоко подняла голову и посмотрела в сторону палаток.

– Вы не ошиблись, – добавила она. – Я тоже ощущаю запах свежего хлеба!

– Я буду делать ударение на первой половине этого слова – Ледигрей, – сказал Альдос точно самому себе. – Это придаст фамилии некоторую сентиментальность. Представьте себе, что любовник говорит: – «Моя милая, дорогая Ледигрей!»

– Запах хлеба!.. Свежего хлеба!.. – закричала Иоанна Грэй, точно не желая его слушать. – У меня разыгрывается аппетит! Ведите меня поскорее, Джон Альдос.

Они подошли к ближайшей из трех палаток, над которой находилась грубо написанная вывеска: «Братья Отто, проводники и оружейники». Это была большая четырехугольная палатка с красными и синими полосами, и из нее доносился веселый женский смех. Штук пять собак лениво поднялись им навстречу, когда они подошли поближе. Одна из них остановилась и заворчала.

– Они не тронут, – сказал Альдос. – Это специальная порода на медведей. Они принадлежат Джеку Брюсу и Клоссену Отто. А вот и сама мадам Отто, – указал он на женщину, появившуюся у входа в палатку. – Если бы все женщины были таковы!

Вкратце Альдос изложил, что случилось у Биля, сообщил, что молодая женщина, которую он привел сейчас же уезжает далее с поездом на Желтую Голову. Добродушная улыбка сошла с лица мадам Отто, как только она услышала имя Биля.

– Так бы и отравила этого негодяя! – воскликнула она. – Бедняжечка моя милая, входите же скорее! Я сейчас напою вас чаем.

– Что на языке мадам Отто означает целый обед, – объяснил Альдос.

– Я не голодна, я только устала, так устала! – сказала девушка, входя вместе с мадам Отто в палатку, и в ее голосе Альдос услышал какую-то новую, до странности патетическую нотку. – Пока стоит поезд, захотелось отдохнуть.

Он вошел вслед за ними и остановился у входа.

– Здесь есть еще и другое помещение, моя дорогая, – сказала женщина, отдергивая занавеску. – Будьте как дома и полежите, пока я приготавливаю чай.

Когда занавеска вновь опустилась, Джон Альдос подошел к хозяйке и тихонько сказал ей:

– Не проводите ли вы ее на поезд, мистрис Отто? Он отходит в четверть третьего. А мне пора уже уходить.

Он вышел из палатки и, поласкав немного собак, посвистывая, отправился своей дорогой. Не успел он пройти и десяти шагов, как услышал позади себя голос, который просил его остановиться. Он обернулся назад. Из палатки вышла Иоанна.

Он посмотрел на нее с таким видом, точно увидел перед собой нечто такое, чего не видел еще ни разу в жизни. Девушка стояла без шляпы, и вся была освещена солнцем, несколько смягченным от набежавшего легкого, прозрачного облачка. Теперь уже он мог видеть ее великолепные, сверкающие светло-каштановые вьющиеся волосы, которых уже больше не скрывали шляпа и вуаль. Он никогда еще не видел таких прекрасных волос, такого изумительного цвета лица и такой глубины синих глаз.

– Вы уходите, так и не простившись? – сказала она. – Не желаете, чтобы я в последний раз вас поблагодарила?

Ее голос привел его в себя. Еще момент, и он уже склонился над ее рукой, почувствовав ее теплоту, и улыбкой вдруг осветилось все его лицо. Но, наклонив свою белокурую с проседью голову, он скрыл эту улыбку.

– Простите за недогадливость, – извинился он и затем сказал: – Прощайте, будьте счастливы, благополучного вам пути!

Глаза их встретились опять. Затем он поклонился ей еще раз и зашагал. Входя в палатку, Иоанна Грэй обернулась назад. Он шел и посвистывал. Его беззаботная походка и то, как он держал себя, говорили о безграничной свободе, которая, как ей казалось, и на нее тоже сходила вместе с дыханием гор. А затем она как-то загадочно улыбнулась и возвратилась в палатку.

Глава III

Если Джон Альдос и старался не подать вида, что девушка произвела на него сильное впечатление, то, во всяком случае, в глубине души признавал это. В глубине души – и это был его секрет – он был далеко равнодушен к женщинам. Но он знал все их слабости, всю их мелочность, как никто другой на свете, и описал их так, как не мог описать никакой другой беллетрист. А это принесло ему осуждение большинства и восторги немногих. Его личный антагонизм против женщин был в нем только личиной, о которой догадывались только немногие. Он сам называл себя экскурсантом в тайны феминизма и, чтобы быть последовательным, старался убедить себя в том, что вопросы пола и вообще проявления животного чувства для него существовать не должны.

Как далеко он зашел в этом – он и сам не мог бы дать себе отчета, не будь у него этого неожиданного знакомства. Девушка пробила брешь в его оружии, и он стал ощущать в себе какой-то беспокойный трепет. Не одна только красота так больно уязвила его в самое сердце. Он уже давно научился смотреть на женщин, как на прекрасный цветок, будучи уверен, что если бы пошел в этом отношении дальше, то испытал бы горькое разочарование. Но в ней он нашел что-то большее, чем красоту.

Джон Альдос свернул на уединенную тропинку, которая змейкой пробегала между густых тополевых зарослей, чтобы только избавиться от искушения лишней раз оглянуться на палатку. Вытащив из кармана трубку, набил ее табаком и закурил. Пуская дым, он стал саркастически улыбаться. В самом деле, может ли Иоанна Грэй уже торжествовать над ним победу? Она просто пробудила в нем новый интерес – так, нечто преходящее, что-то новое, вот и все.

Он медленно продвигался вперед, представляя тот неожиданный эффект, который произведет на его милейших обожательниц-женщин новая книга, когда они ее прочтут. Он ведь нарочно озаглавил ее «Матери». Книга явится ужасающим сюрпризом.

Вдруг лицо его стало серьезным. Он услышал отдаленные звуки граммофона, но не того, который играл у Билия, а другого, у какого-то его соперника, открывшего питейную лавку в конце улицы. Постояв немного, он решительным шагом направился к Билию.

Когда Джон Альдос вошел туда, то Биль Куэд стоял там, прислонившись спиной к перегородке и опершись о спинку стула. На его огромном лице еще оставались следы опьянения. Он был окружен своими приятелями. С минуту Джон Альдос стоял у входа. Холодная, недоброжелательная улыбка появилась у него на губах, в уголках глаз собрались морщины.

– Хорошо я огрел вас, Биль? – спросил он наконец.

Все присутствовавшие сразу обернулись к нему. Но Биль Куэд испугался и широко открыл рот. Он закачался, точно от головокружения.

– Это вы? – грубо ответил он. – Черт бы вас побрал!..

Три или четыре человека уже стали приближаться к вошедшему. Руки их были сжаты в кулаки, а брови нахмурены.

– Подождите, братцы, минуту, – спокойно удержал их Альдос. – Мне нужно кое-что сказать вам и Билию. А затем можете скушать меня, если пожелаете, живьем. Достаточно ли вы трезвы, чтобы выслушать меня?

Биль Куэд, пошатываясь, опустился на стул. Другие выжидали стоя. Спокойная и презрительная улыбка все еще не сходила с лица Джона Альдоса.

– Сейчас вы почувствуете себя лучше, Биль, – сказал он участливо. – Хороший удар по зубам всегда заставляет вас испытывать боль под ложечкой. Но эта дурнота скоро пройдет. А тем временем я постараюсь внушить вам то, против чего вы сразу же станете на дыбы. Предупреждаю вас, что вы не должны чинить ни малейших козней против одной молодой дамы, которую вы недавно видели здесь. Она отправляется к Желтой Голове. Я знаю, что у вас там

есть партнер, который обрабатывает там ваши делишки. Я не особенно хотел бы вмешиваться в ваши тайны и в дела вот этой сволочи, которая вас окружает, но считаю нужным дать вам только дружеский совет. Если только эта молодая женщина хоть в чем-нибудь потерпит от вас на Желтой Голове, то вы будете иметь дело со мной.

Он сказал это без малейших признаков возбуждения в голосе. Никто из слушателей не видел его двигавшихся губ, красивых рук и небрежной позы, когда он стоял у входа и говорил. Они смотрели ему прямо в глаза, странно сверкавшие и грозно серьезные. Такой человек с подобной публикой не церемонится.

– Довольно слов, – продолжал он. – Теперь я перейду к персональной демонстрации. Я знаю вашу игру, Биль. Вы уже там раскидываете умом, как вам поступить далее. Вы не станете действовать открыто, потому что вы не такой человек. Вы уже решили, что в одно прекрасное утро я могу пропасть без вести, или сорваться где-нибудь со скалы, или же преспокойно утонуть в Атабаске. Смотрите же! Есть у меня что-нибудь в руке или нет?

И он протянул к ним пустую руку, ладонью кверху.

– А теперь?

Последовало такое быстрое сжатие кулака, что их глаза не успели его уловить, затем раздалось металлическое щелканье, и испуганная публика оказалась лицом к лицу с направленным в нее дулом браунинга.

– Эта маленькая штучка всегда находится при мне, в особенности по ночам. В ней одиннадцать зарядов, и стреляю я в муху без промаха. А теперь – прощайте!

И прежде чем они пришли в себя от изумления, он уже ушел.

Дорожка вывела его к пересохшему болотцу. За ним поднимался вековой хвойный лес, большей частью из сосен и кедров, из-за которого слышался плеск воды. Еще две-три минуты, и он стоял уже на самом берегу быстрой Атабаски. Он выбрал это место для своей избушки потому, что река была в этом месте тесно сжата береговыми камнями и шумела, и потому еще, что грузовые суда, следовавшие по этой реке к южным горам, здесь уже не могли его беспокоить. Избушка, в которой он уже столько недель жил и работал, глядела окнами на реку и была скрыта от взоров в густых кустах рябины. Он открыл дверь и вошел. Через окошко, выходящее на юго-запад, он мог видеть снежные вершины горы Гейки и в сорока милях далее легкие очертания горы Хардсти. Теперь в окошко било солнце и освещало его работу в том виде, как он ее оставил. Последняя страница рукописи уже была отпечатана на машинке. Он уселся за стол и принялся за работу.

Альдос прочитал и перечитал последние две или три страницы своей рукописи, стараясь ухватиться за нить в том месте, где она перервалась. И с каждым чтением он все более и более убеждался, что его работа в это время спориться не будет. А почему? Из-за кого? И с некоторой досадой он набил трубку свежим табаком. Затем откинулся назад, закурил и засмеялся. Проходили минуты, а он все больше думал о странной молодой женщине. Кто она? Зачем она ехала к Желтой Голове?

Несколько раз в течение этого часа он принимался за работу и, наконец, должен был ее бросить. С вбитого о стену деревянного гвоздя он снял ружье. Он сам готовил для себя обед, а потому решил на этот раз нарушить заведенный порядок. На куропаток уже прошел сезон, но они были искусительно нежны и жирны. Решив парочку изжарить себе на ужин, он вышел из своей избушки и направился по узенькой тропе вдоль реки. Он проходил с полчаса, пока не набрел, наконец, на целый выводок. Двух из них ему удалось убить. Спрятав их и ружье недалеко от тропинки, он прошел с полмили дальше к броду, удивляясь, каким образом Стивенс, который должен был перейти сегодня реку вброд, мог справиться со всеми своими лошадьми? До сих пор он еще не глядел ни разу на часы. А теперь к его удивлению оказалось, что поезд на Желтую Голову должен бы отойти еще через три четверти часа. По какой-то необъяснимой причине он почувствовал себя легче. И, посвистывая, отправился далее.

У самого брода он нашел Стивенса, который стоял у реки.

– Черт бы побрал эту реку, – ворчал он, когда Альдос подошел к нему поближе. – С вечера нельзя сказать, что будет завтра. Смотрите! Ну, можно ли сейчас ее перейти?

– Я бы не решился, – ответил Альдос. – Вода поднялась на целый фут выше, чем была вчера. Я бы даже и не пробовал.

– А что я буду делать с моими двумя проводниками, поваром и погонщиком, которым уплачиваю поденно, да еще вдобавок и со счетом из больницы, таким длинным, как вот эта Гейка? – возразил Стивенс, который три месяца пролежал в госпитале больной. – Еще бы вы попробовали! Посмотрел бы я!

– И все-таки не буду пробовать, – повторил Альдос.

– А я уже потерял два дня и моих туристов, с которыми уже сговорился на несколько дней вперед за хорошие деньги. Вот и совершай экскурсии после всего этого! Они не станут платить вам за эти отсрочки, а вот эти мои лошади, которые должны теперь зря стоять вон там в кустах, обходятся мне по тридцати долларов в день. Мы-то с вами можем переплыть на ту сторону и на каком-нибудь плоту. От этого у нас будут трещать руки, но это ничего. А ведь у меня двадцать семь лошадей. Все-таки я хочу пустить их вплавь. Вода не спадет и завтра.

– Но вы рискуете лошадьми.

Стивенс сунул в рот щепотку табака и сел. Несколько минут он злобно смотрел на мутные воды реки. Затем щелкнул языком и ухмыльнулся.

– Около часа тому назад я проходил мимо Биля, – сказал он. – Здорово вы его угостили.

– Был грех, – ответил Альдос.

Стивенс перебрал жвачку за другую щеку и сплюнул в воду.

– Я видел ту бабенку, – продолжал он, – которая вышла из поезда. Зачем-то ей понадобилось здесь остановиться. По дороге она что-то обронила, я поднял. Но она была так чертовски хороша, что я не осмелился подойти к ней и подать. Если бы это было что-нибудь порядочное, то я все-таки осмелился бы и подошел. Но это оказалась чепуха, и я как и все, стоял, разинув рот, и смотрел на нее, выпучив глаза. Оказалось, что это простой комочек бумаги. Может быть, вы хотите взять его себе на память? Ведь я видел, как вы побежали вслед за ней к Биллю Куэду!

С этими словами Стивенс вытащил из кармана комочек бумаги и протянул его своему собеседнику. Альдос сел рядом с ним и разгладил бумагу на коленке. На ней не было написано ничего, но вся она была испещрена цифрами, точно тот, кто их писал, решал арифметическую задачу. Главное, что его заинтересовало в них, это были монетные символы, как например «фунты». Но слово «доллары» не встречалось. Подведенные под некоторыми слагаемыми итоги были довольно внушительны.

– Должно быть, миллионерша, – заметил Стивенс, – если только эти цифры означают деньги. Заметьте эту цифру! – Он указал пальцем на один из итогов. – Ведь это почти миллиард.

– Семьсот пятьдесят тысяч, – ответил Альдос.

Он думал о слове «фунты». Она вовсе не была похожа на тех англичанок, с которыми он встречался. Он сложил аккуратно листок бумаги и положил его себе в карман. Стивенс смотрел на него с серьезным видом.

– Прежде чем отправиться с экскурсией к Злому озеру, я хотел бы дать вам маленький совет, – сказал он. – Лучше бы вам уехать отсюда. Биль Куэд никогда не простит вам этой обиды. Кроме того...

– Что еще?

– Мой сынишка кое-что подслушал. Вы очень хорошо к нему относились, когда я лежал в больнице, поэтому я не должен от вас скрывать ничего. Нет еще и часа, как мой мальчуган стоял около его палатки и слышал, как Биль Куэд разговаривал со Слимом Баркером. Насколько я мог понять из слов сынишки Куэд не отступится от этой дамочки Ни за что. Он ведь алчный на этот счет. Он сказал, что не пожалеет и десяти тысяч долларов, чтобы держать

ее в своих руках. А почему мальчишка прямо от Куэда прибежал ко мне, так это потому, что Биль сказал Слимму, что первым делом примется за вас. А сам приказал Слимму немедленно же отправляться вслед за девушкой к Желтой Голове.

– Черт возьми! – воскликнул Альдос, хватая его за плечо. – И он это сделал?

– По крайней мере, так рассказал мне мальчуган.

Альдос немедленно поднялся на ноги. Беззаботная улыбка заиграла у него на губах. Немногие знали, что когда у него появлялась такая улыбка, то в такие моменты он был опасен.

– Ваш сынишка, без сомнения, прав, – сказал он, поглядев на Стивенса. – Но я совершенно уверен, что эта молодая дама может вполне позаботиться о себе сама. У Куэда очень плохие нервы, если он послал за нею Слима. Слим может нарваться на брата или на мужа.

Стивенс пожал плечами.

– Да мне все равно, – сказал он. – Я думаю не о даме, а о вас.

– А не лучше ли было бы сообщить полиции об этих его угрозах? – спросил Альдос, глядя через реку и стараясь придать веселое выражение своим глазам.

– Черт с нею! – огрызнулся Стивенс.

А затем он разулся и поднялся на ноги.

– Послушайте моего совета, – сказал он, – уезжайте отсюда! Что же касается меня, то я во что бы то ни стало начну теперь же переправляться через эту проклятую реку!

Он зашагал по направлению к своим лошадям, с ожесточением жуя свой табак. Некоторое время Альдос простоял в нерешительности. Он с удовольствием присоединился бы к этим пяти или шести туристам, которые теперь с беспокойством прохаживались невдалеке от пасшихся лошадей. Но Стивенс некстати предупредил его об ожидавшей его опасности. Он подумал о своей избушке и о неопениваемой ни на какие деньги своей последней многомесячной работе, о своей рукописи. Если Куэд попытается все это уничтожить...

Он скрестил на груди руки и не спеша отправился к себе домой.

«Изъять из обращения» врага – было одним из излюбленных приемов мести у Куэда. Альдос уже слышал об этом. Он знал также, что Куэд так умел прятать концы в воду, что даже полиция становилась в тупик.

Этот самый Биль Куэд заинтересовал Альдоса еще с самого начала. Он узнал доподлинно, что Куэд и Кульвер Ранн, его сотрудник у Желтой Головы, представляли собой силы, с которыми приходилось считаться вдоль всей линии железной дороги. Это были два самых главных представителя подпольных работников, которые держали в руках всех отъявленных жуликов и негодяев от Миэтты и вплоть до самого форга Джорджа. Альдосу пришлось встретиться однажды с Кульвером Ранном. Он показался ему спокойным, вполне приличным человеком лет сорока, а между тем это был один из самых отъявленнейших негодяев, какие когда-либо действовали в Западной Канаде. Альдосу рассказывали, что этот Ранн представлял собой действительно замечательно сообразительную голову и что оба они, Куэд и Ранн, какими-то сомнительными путями уже заработали чуть не полмиллиона. Но Альдосу угрожала теперь опасность от одного только Куэда, и он стал обдумывать предостережение Стивенса и мысленно его за это поблагодарил. С чувством облегчения он возвратился к себе в хижину и нашел там все в порядке. Он всегда оставлял у себя копии со своих рукописей, когда печатал их на машинке. Все эти копии он собрал, уложил в железный сундучок и закопал его в кустах под большим бревном.

– Теперь приходи, Куэд, – усмехнулся он про себя, и в его голосе прозвучала торжествующая нотка. – Сколько припоминаю, я еще никогда так не волновался, как сейчас, и если ты захочешь пошутить, то это действительно будет настоящая шутка!

Он вернулся за убитыми куропатками, сел на корточки у куста на самом берегу и стал их ощипывать. Он почти уже заканчивал, когда вдруг услышал громкие крики. Со своего места он мог видеть реку до самого брода. Стивенс вгонял в реку всех своих лошадей. Альдос уви-

дел, как они погрузились в воду, подняв высоко головы, и как с трудом стали пробиваться к противоположному берегу. Он вскочил, бросил своих куропаток и в удивлении стал смотреть.

– Ну, что за дурак! – проговорил он.

Он предвидел трагедию еще раньше, чем она началась. Каменистая отмель на той стороне реки, куда лошади могли бы выплыть, находилась еще в ста саженях ниже. Три или четыре наиболее сильных лошади, выбиваясь из сил, направились именно туда. Другие сбились в кучу и в своих отчаянных усилиях ничего не могли поделать и их все далее и далее относил назад. Затем наступил роковой момент. Кобылу и ее ржавшего жеребенка отнесло в самый водоворот. Альдос увидел этого жеребенка, поднявшего высоко кверху голову и плечи, когда его несло, точно щепку, вниз. Холодная дрожь пробежала по всему его телу, когда он услышал жалобное ржание матери, крик, полный пафоса и отчаяния, почти такой же, как и у человека. Он понимал его значение. – Подожди, я сейчас... я сейчас!.. – казалось, кричала жеребенку кобыла. И Альдос видел, как она окончательно выбилась из сил и как ее понесло в самую пучину, причем она ни на минуту не отрывала глаз от жеребенка. Позади нее высывались из-под воды другие головы, вертелись во все стороны, и в следующий момент весь табун поплыл на произвол судьбы к своей гибели.

Альдос почувствовал, как закружилась у него голова. Но зрелище околдовало его, и он продолжал смотреть. Он думал теперь не о самом Стивенсе и не об его потерях, а о том, что теперь будет с табуном, которого относил прямо на камни. Он стоял, бледный, скрестив на груди руки около бурлившей у его ног воды и проклинал свое бессилие. До него уже доносились последние крики погибавших животных. Он видел, как они утопали одно за другим. Из белой пены, скопившейся около громадного утеса, о который со всей силой ударялась река, вдруг выскочила одна лошадь целиком, точно ее подбросило что-то снизу, и вновь погрузилась в воду. Последняя лошадь утонула, когда Альдос поднял глаза вверх по реке и посмотрел на берег. Здесь, в течении, которое огибало скалы, все еще виднелись плечи и высоко поднятая голова! Это оказался еще барахтавшийся в воде жеребенок. Каким чудом он уцелел, это уже не интересовало Альдоса. Еще саженей двадцать ниже – и жеребенка постигнет та же судьба, что и всех лошадей. На полпути к этому месту, вдоль по течению, Альдос заметил упавший ствол дерева, нависший над рекой на пятнадцать или двадцать футов. Альдос помчался к нему, как стрела. Он вскарабкался на него, лег на него плашмя и свесился над водой. В крайнем возбуждении он позабыл об угрожавшей ему опасности. Был только один шанс из двадцати, что жеребенка понесет именно под этим деревом. И его все-таки понесло. Альдос напряг крайнее усилие и схватил его за ухо. Но тут же у него и похолодело под сердцем. Не выдержав двойной тяжести, ствол крякнул и стал подаваться вниз. Но он все еще каким-то чудом сдерживал обоих, и Альдос еще крепче вцепился жеребенку в ухо. Фут за футом он стал пятиться по стволу назад, пока, наконец, не вытащил жеребенка из воды совсем.

Вдруг его кто-то окликнул. Позади него раздался голос, который он узнал бы из десятков тысяч других женских голосов: милый, сладкий, дрожавший от волнения.

– Превосходно, Джон Альдос! Если бы я была мужчиной, то я хотела бы быть только таким как вы!

Он обернулся. В нескольких шагах от него стояла Иоанна Грэй. Она была бледна, как тот кружевной воротничок, который окружал ее шею. Губы у нее были совсем белые, грудь быстро поднималась и опускалась. Он понял, что и она тоже была свидетельницей происшедшей трагедии. И глаза, которые теперь смотрели на него, были прекрасны.

Глава IV

Появление в этот момент Иоанны показалось Джону Альдосу прямо-таки сверхъестественным. На какое-то мгновение он был в состоянии, которое называл абсурдным. Он быстро представил себе, как лежал на упавшем дереве и со смешным героизмом тянул за ухо утопающего жеребенка. Но затем все это прошло, и ему оставалось только удивляться, почему Иоанна Грэй вдруг оказалась здесь, а не в вагоне по пути к Желтой Голове.

– Великолепно! – воскликнула она опять, глядя на него во все глаза. – Я знаю мужчин, которые не рискнули бы на это и для человека!

– Вероятно, они показали бы этим свою способность рассуждать, – возразил Альдос.

Он заметил, что она держала в руке длинную тонкую сосновую ветку, которую он недели две тому назад срезал сам и острогал для удилица. Он кивнул на нее головой и с равнодушной улыбкой спросил:

– Кого вы этим собирались выловить из воды, меня или жеребенка?

– Я попала сюда совершенно случайно, – стала она объяснять. – Мне хотелось побыть одной, и мадам Отто сказала мне, что эта тропинка приведет прямо к реке. Когда я увидела вас, то хотела идти назад, и вдруг увидела этих лошадей, барахтавшихся в воде. Это ужасно. Они все потонули?

– Как видите, все. Хорошенькая картина, не правда ли? Если бы вы отправились к Желтой Голове, то пропустили бы случай видеть такой приятный спектакль.

– Я и уехала бы, да что-то там случилось. Говорят, провалилось что-то впереди или оползень, – что-то в этом роде. Поезд не пойдет до завтрашнего утра.

– И вы останетесь у Отто?

Она утвердительно кивнула головой и с быстротой молнии прочитала его мысли.

– Мне от этого очень грустно, конечно... – продолжала она, прежде чем он успел заговорить. – Вижу, что я уже надоела вам. В буквальном смысле этого слова я вторглась в вашу жизнь, нарушила вашу работу и боюсь, что испортила вам настроение. Мадам Отто рассказала мне кое-что об этом Биле Куэде. Она говорит, что это очень опасный человек. А я настроила его против вас.

– Я не боюсь этого Куэда, – ответил он. – Ведь случай был не более, как приятное нарушение начинающей уже становиться монотонной обстановки. Я всегда, знаете ли, держался того мнения, что физические эмоции представляют собой наилучшую смазку для механизма нашего ума. Возможно, что именно потому вы и застали меня за вылавливанием из воды его сиятельства господина жеребенка.

Он сказал это довольно резким тоном. В его голосе слышалось какое-то напряжение, что-то такое, что находило себе исход в неприятном, насильственном смехе. Он знал, что причинил ей боль. Грубый тон его речей, холодность улыбки, подчеркивание его крайнего равнодушия к ней – все это влекло за собой отражение в ее глазах известного физического страдания.

Он подошел к ней еще ближе, так что мог совсем уже близко разглядеть ее нежный профиль. Но Иоанна вовремя спохватилась и опустила голову, так что он больше уже не мог ее видеть. Но все-таки это удалось ей не совсем. Альдос заметил у нее на щеке какую-то каплю, это была слеза.

В одну минуту он был уже рядом с ней. Быстрым движением она смахнула слезу со щеки.

– Я обидел вас и должен просить у вас прощения. Я поступил с вами так же скверно, как и Биль, но только в другом отношении. Я знаю, что я заставил вас почувствовать. Я подчеркнул перед вами, что вы меня обеспокоили, оторвали меня от работы и что я хотел бы от вас отделаться. Ведь вы почувствовали это? Не правда ли?

– Боюсь, что да.

Он протянул ей руку, и почти против воли она подала ему свою. Она заметила происшедшую в его лице перемену, раскаяние, боль, и затем все это вдруг сменилось радостным выражением в его глазах, каким-то удивительным безмолвным смехом.

– И знаете, почему я так повел себя с вами? – сознался он, почувствовав в своей руке теплоту от ее руки, от которой по всему его телу пробежал какой-то трепет. – Вы простите меня за откровенность? Пока вы здесь еще не появлялись, я имел только одно желание – как можно скорее закончить мою книгу. Я рассчитывал проработать весь день. Но теперь я не могу выкинуть вас из головы. И это заставляет меня злиться. Но самое странное во всем этом то, – продолжал он, – что я всегда имел вас в своем воображении. Вы всегда жили в нем и не давали мне покоя. Я не сумел только как следует скомпоновать вас. И почти непостижимо то, что вы носите то же самое имя – Иоанна, Иоанна из «Светских приличий». – Она немного обиделась.

– Но ведь Иоанна ужасна! – воскликнула она. – Она злая и сердцем, и душой! Если бы вы были не Джоном Альдосом, то я отделала бы вас на все корки.

Она протянула ему руку. Он нагнулся над ней. Ее глаза остановились на его белокурой голове, и она опять обратила внимание на его преждевременную седину. Во второй раз она почувствовала на себе какую-то таинственную, почти непреодолимую силу этого человека.

– Я рассчитывал поужинать сегодня вечером у себя в хижине, – сказал Альдос, стараясь этой фразой нарушить создавшееся напряжение. – Не желаете ли вы быть моей гостьей, Леди-грей?

– Но мадам Отто... – начала было она.

– Я сейчас же отправлюсь к ней и объясню, что вы будете кушать у меня куропаток, – перебил он ее. – Пойдемте. Разрешите мне показать вам, где я живу и работаю.

Он повел ее к своей избушке и ввел в свою единственную комнату.

– Я отправлюсь, а вы, пожалуйста, будьте здесь, как дома, – обратился он к ней. – Если это доставит вам удовольствие, то вы можете почистить несколько картофелин. Через десять минут я уже возвращусь.

И, не дожидаясь ее возможного протеста, Альдос выскользнул из двери и побежал по тропинке к Отто.

Глава V

Отойдя на порядочное расстояние от избушки, Альдос замедлил шаги. Он знал, что никогда еще в своей жизни не испытывал такой необходимости привести свои чувства в порядок, как именно теперь. Последние четверть часа произвели в нем настоящую и удивительную революцию. Это была настолько необыкновенная и настолько неожиданная перемена, что он никак не мог освоиться со своим положением и считаться с совершившимся фактом. Правда все более и более становилась для него очевидной по мере того, как он все далее и далее уходил по заросшей тропинке в Миэтту. Но было еще и нечто такое, что не только удивляло и возбуждало его. Прежде всего он не мог не видеть комизма своего положения. Он, Джон Альдос, – и вдруг так обезличил себя, так отрекся от себя, – и притом для женщины. Он зашел так далеко, что принес ей в жертву свое самое лучшее и значительное произведение. Ведь он искренне сказал ей сам, что она интересуется его больше, чем все его книги. И он старался убедить себя в том, что это было не признанием себя побежденным, а именно самоотречением. И когда он дошел, наконец, до палатки Отто, то улыбался во все лицо, быстро и глубоко дышал и слышал, как все внутри у него распевало от удовольствия.

Он остановился, чтобы набить и закурить трубку раньше, чем увидит мадам Отто, и нарочно окружил себя целыми тучами дыма, когда стал рассказывать ей, как почти силой затащил к себе Иоанну и взял с нее слово есть с ним куропаток. Он узнал, что раньше завтрашнего дня поезд к Желтой Голове все равно не отойдет, и, прихватив от мадам Отто целую ковригу только что испеченного хлеба и банку домашнего мармелада, отправился обратно к себе домой и всю дорогу посвистывал так, точно ничего и не произошло.

Альдос был так погружен в свои мысли, что не заметил, как подошел к своей двери и очнулся от голоса Иоанны. Не слыша его, она что-то напевала.

Когда Альдос показался в дверях, она остановилась. Ему показалось, что когда она посмотрела на него, то ее взгляд был глубже и глаза голубее. Она улыбалась. Найдя какой-то обрывок материи, она надела его на себя вместо передника и чистила картошку.

– Вероятно, вас задержало что-нибудь очень важное, – обратилась она к нему. – В ваше отсутствие у вас был гость. Я мыла картошку, когда вдруг подняла голову и увидела в дверях человека с громадными рыжими усами. При виде меня у него от удивления чуть не вылезли на лоб глаза, и он бросился бежать как заяц, и... и... вот что-то обронил по дороге.

Она весело смеялась и указала ему на порог. Он увидел около него громадный комок жевательного табака.

– Стивенс! – засмеялся и Альдос. – Он так перепугался вас, что даже выронил изо рта свою жвачку.

Он отшвырнул подальше от порога носком сапога жвачку Стивенса и протянул Иоанне краюху мягкого хлеба и мармелад.

– Это прислала вам мадам Отто, – сказал он. – А поезд действительно не пойдет раньше завтрашнего дня.

Она не ответила. Он придвинул к ней стул поближе, сел на него и вонзил кончик своего охотничьего ножа в одну из двух оставшихся картофелин.

– А когда он пойдет, – добавил он, – то вместе с вами поеду и я.

Он ожидал, что это заявление произведет на нее некоторый эффект. Когда она встала, то он уловил только краешек очаровательной улыбки.

– Вы все еще думаете, что я не сумею постоять за себя у этой ужасной Желтой Головы? – спросила она, склонившись ненадолго над столом. – Ну, признавайтесь!

– Нисколько. Вы нигде не пропадете, Ледигрей, – повторил он. – Но я думаю, что для меня самого будет спокойнее, когда я буду знать, что вас никто не обидел, чем после раска-

иваться, что вас действительно уже обидели. Желтая Голова полна таких людей, как Куэд, – добавил он.

Улыбка сошла с ее лица, а в голубых глазах появилось беспокойство.

– Я почти уже и забыла о нем, – прошептала она. – Неужели вы будете опять драться из-за меня?

– Хоть тысячу раз.

Она густо покраснела.

– Я как-то прочитала о вас, Джонс Альдос, нечто такое, что помню даже до сих пор, – сказала она. – Это было после того, как мы возвратились из Тибета. Про вас писали, что вы преуспели в двух вещах: в ненависти к женщинам и в любви к приключениям. Быть может, именно благодаря этой вашей любви к приключениям, вы и собираетесь провожать меня до Желтой Головы?

– Я начинаю верить в то, что это будет самым величайшим приключением в моей жизни, – ответил он, и что-то в его голосе было такое, что помешало ей говорить.

Он поднялся на ноги и стал прямо перед ней.

Краска на ее щеках сконцентрировалась в два больших, ярких пятна, а губы зашевелились прежде, чем она смогла что-то произнести.

Она глубоко вздохнула, посмотрела на него большими глазами и продолжала, точно во сне:

– Великие приключения для вас. Да. А, может быть, и для нас обоих.

Она крепко прижала руки к груди, и стояла так, опершись спиной о стол. В ней было что-то такое, что заставило Джона подойти к ней почти вплотную, и он спросил:

– Так скажите же мне, Ледигрей, что влечет вас к Желтой Голове?

И так же странно, как и раньше, губы ее пошевелились, точно не хотели выпускать через себя слова, потом она ответила:

– Я еду туда... чтобы отыскать... своего мужа.

Глава VI

Услышав эти слова, Джон Альдос долго стоял, опустив голову, и молчал. Слабый шорох, донесшийся с улицы, дал ему повод повернуться к двери. Так, значит, она отправлялась к Желтой Голове, чтобы найти там своего супруга! Этого он никак не мог ожидать. Но ведь сколько раз она давала ему понять, что там, у конца железной дороги, у нее нет ни мужа, ни брата, ни отца, которые могли бы ее встретить! Она говорила ему, что будет там одна, без единой души знакомых. И теперь вот сказала ему эти слова, точно признавалась.

Он выглянул за дверь. Это пришла попить одна из лошадей Отто. Он опять вернулся к Иоанне.

Она стояла все в той же позе, спиной к столу. Когда он вернулся, то она сунула руку под платье и достала длинный, плотный конверт, открыла его, и Альдос увидел в нем пачку денег. Она вытащила из-под них клочок бумаги и протянула ему.

– Это отчасти прояснит обстановку, – сказала она.

Это была вырезка из газеты, запачканная и измятая, которой было уже два года. По всей видимости, она была вырезана из английской газеты и содержала в себе описание трагической смерти какого-то Мортимера Фиц-Юза, представителя известной Девонширской фамилии, который расстался с жизнью на охоте где-то в диких лесах Британской Колумбии.

– Это мой муж, – сказала Иоанна, когда Альдос окончил чтение. – Еще полгода тому назад я не имела никаких оснований не доверять этой газетной заметке. А затем один из наших знакомых отправился туда же на охоту. Он вернулся со странной вестью: объявил, что сам лично видел моего мужа живым. Теперь вы знаете, почему я здесь. Но я вовсе не хотела навязывать вам это. И вот я отправилась сама, чтобы убедиться или разубедиться в его смерти. Если он жив...

В первый раз она изменила себе и выдала происходившую в ней борьбу с волнением, которое силилась в себе подавить. Лицо ее было бледным. Она стояла, тяжело дыша, точно раскаивалась, что зашла слишком далеко.

– Я понимаю, – сказал Альдос. – Кажется, вас беспокоит, Ледигрей, не то, что вы найдете его мертвым, а то, что он может оказаться живым?

– Да, – ответила она, – вы правы. Но, прошу вас, не спрашивайте меня больше ни о чем. Для меня это было бы ужасно рассказывать. Вы подумаете тогда, что я не женщина, а зверь. Я ваша гостья. Вы пригласили меня ужинать. Картошка уже очищена, а где же огонь?

Она силилась улыбнуться. Джон Альдос бросился к двери.

– Я доставлю вам куропаток в две секунды, – воскликнул он. – Я бросил их, когда лошади стали тонуть в водовороте.

Тяжелое впечатление, которое произвело на него сообщение Иоанны, что муж ее жив, уже прошло. Он не старался объяснять себе или анализировать происшедшие с ним две перемены, а принял их, как факты, и больше ничего.

Там, где несколько секунд тому назад ощущалась свинцовая тяжесть от чего-то, что казалось ему даже невыносимым, вдруг появилась какая-то странная легкость, вроде той, когда он шел к палатке Отто. Идя теперь по берегу реки, он весело насвистывал. Насвистывал он и возвращаясь назад с куропатками. Иоанна поджидала его у двери. Опять лицо ее сияло спокойствием. Когда он подошел, то она ему улыбнулась. Его удивило в ней не то, что она так скоро оправилась от охватившего ее душевного потрясения, а то, что она так стойко владела собой и не проявляла ни малейшего признака горя, нерешительности или беспокойства. За несколько минут перед этим он слышал, как она напевала.

Солнце уже стало заходить за горы, и серые тени покрыли те места, на которых только что был свет, и никому и ничему в природе не было дела до того, что случилось или что было

сказано с тех пор, как появилась в этих местах Иоанна Грэй. В первый раз за столько лет Джон Альдос совершенно позабыл о своей работе. Он весь был поглощен присутствием Иоанны.

Манера, с которой Иоанна приняла его приглашение, была для него и приятна, и нова. Она сразу же сделалась и гостей, и хозяйкой. Очаровательными руками, обнаженными до локтей, она стала месить тесто для бисквитов. «Горячие бисквиты, – сказала она ему, – очень вкусны с мармеладом». Он растопил печь. Затем, когда он принес еще и воды, она объявила ему, что его обязанности окончены, и что он может теперь курить, пока она будет готовить ужин. С наступлением сумерек он запер дверь и зажег несколько раньше чем обычно большую висющую лампу.

Каждый фибр трепетал в нем от сознания острого и изысканного удовольствия, когда он уселся против нее. В течение всего ужина он то и дело заглядывал в ее спокойные голубые бархатные глаза. Какое-то особенное наслаждение доставляло ему разговаривать с ней и в то же время глядеть ей в глаза.

– А этот ваш последний роман, – спросила она, – будет в таком же роде, как и «Светские приличия?».

– Я хотел, чтобы он представлял собой последнюю часть трилогии, – ответил он. – Но теперь этого уже не будет, Ледигрей. Я уже раздумал.

– Но ведь вы уже почти заканчиваете его.

– Я собирался его закончить на этой неделе. Но вы пришли – и все пропало.

И, заметив в ее глазах тревогу, он поспешил добавить:

– Давайте не говорить больше о моей рукописи, Ледигрей. Не надо. Когда-нибудь я дам вам ее прочесть, и тогда вы поймете, что вы лично здесь ни при чем. В первую минуту, действительно, я несколько не сообразил и забеспокоился, так как собирался закончить свою работу именно за эту неделю и затем пуститься в новое приключение, на этот раз довольно странное – хотел удрать на Север.

– Значит, уже в совсем неведомую страну? – спросила она. – Но ведь там на дальнем Севере, вовсе нет людей!

– Нет, попадают кое-какие индейцы, да какой-нибудь случайный обозреватель. В прошлом году я бивал там и целых сто двадцать семь дней не встретил ни единой души, кроме моего проводника-индейца.

Она оперлась о стол и посмотрела на него внимательно, сияющими глазами.

– Вот почему я и понимала вас, и читала ваши произведения между строк, – сказала она. – Если бы я была мужчиной, то я во многом походила бы на вас. Я люблю вот все такие места – одинокие, заброшенные, пустые, громадные пространства, на которых вы слышите одно только завывание ветра и только свои же собственные шаги. Как жаль, что я не мужчина! А все-таки он во мне есть! Я родилась отчасти мужчиной. И люблю это в себе безумно.

И вдруг острое горе засветилось в ее глазах, а в голосе послышались рыдания. Он с удивлением долго молча смотрел на нее через стол.

– Вы переживали такую жизнь, Ледигрей? – спросил он наконец. – Вы все это видели?

– Да, – кивнула она ему головой, сжимая и разжимая свои белые, нежные руки. – В течение целого ряда лет и даже, пожалуй, еще больше, чем вы, Джон Альдос! Я родилась в такой обстановке и прожила в ней долгое время, пока не умер мой отец. Мы были с ним неразлучны. Он был всем для меня: моим отцом и матерью. Не правда ли, как это странно? Мы вместе забирались в самые таинственные и глухие места на всем земном шаре, ходили на самый край света. Это было его страстью. Он передал ее и мне. Я была с ним всюду, сопровождала его везде. А затем, вскоре же после открытия им этого замечательного, погребенного под песками Центральной Африки города Миндано, он умер. Может быть, вы читали об этом?

– Боже мой! – в изумлении воскликнул Джон Альдос, но от глубокого волнения из его голоса получился только шепот. – Иоанна Ледигрей, неужели вы говорите о Даниэле Грэй, сэре

Даниэле Грэе, этом знаменитом египтологе и археологе, который открыл в дебрях Африки целую изумительную древнюю цивилизацию?

– Да.

– И вы – его дочь?

Она кивнула ему головой.

– Нас странно сталкивает судьба, леди Иоанна, – обратился он к ней. – В то время, как ваш отец, сэр Даниэль, находился в Мурдже накануне своего великого открытия, я был в Сен-Луис на Сенегальском берегу. Я жил там в маленькой гостинице «Зеленый мыс», в низенькой комнатке с белыми стенами, выходившей окнами на море. Владелец передавал мне, что до меня эту комнатку занимал сэр Даниэль, и я нашел в ней, в одном из ящиков письменного стола испорченную ручку с вечно пишущим пером, на котором была вырезана головка змеи. Затем в другой раз я попал в Гамполу, – это в самом центре острова Цейлон, – и там мне передавали, что только что передо мной через те места прошел и сэр Даниэль. Неужели вы тоже были тогда вместе с ним?

– Всегда, – ответила Иоанна.

Некоторое время они напряженно смотрели друг на друга. С какой-то странной быстротой весь мир вдруг перекинулся между ними мостом, и они мысленно перенеслись назад. Теперь уж больше они не были чужими. Они стали друзьями не на один только день. Альдос еще крепче сжал ей руки. Сотни слов вдруг запросились ему на язык. Но прежде, чем он смог заговорить, он вдруг увидел странную перемену, происшедшую в лице Иоанны. Она слегка повернулась, так что могла видеть, что происходило за окном, и вдруг вскрикнула, Альдос оглянулся. Там не было никого. Он посмотрел на Иоанну опять. Она побледнела и стала дрожать. Руки ее были прижаты к сердцу. Большие темные испуганные глаза все еще были устремлены в окно.

– Это он! – сказала она с дрожью в голосе. – Он глядел сюда через стекло! Какой ужасный!..

– Кто? Биль Куэд?

– Да.

Он бросился к двери, но она удержала его за руку.

– Остановитесь! – крикнула она. – Не уходите!.. – На мгновение он остановился у двери. Он был опять таким же, каким она увидела его в первый раз: спокойным, страшным и с холодной улыбкой на губах. Его серые глаза светились, как сталь.

– Заприте за мной дверь и не отпирайте ее никому, пока я не вернусь, – сказал он. – Вы первая женщина, которая посетила меня, как гостя, леди Грэй. Я не позволю, чтобы кто-нибудь вас побеспокоил.

Когда он уходил, она заметила, что он вытащил что-то из кармана. Это что-то сверкнуло при свете лампы. Она не могла в этом ошибиться.

Глава VII

Джон Альдос сгорал от нетерпения скорее убить Куэда. С быстротой зайца он обежал вокруг своей избушки и остановился, чтобы прислушаться. В руке у него был револьвер, и глаза его так и пронизывали тьму, чтобы увидеть в ней какую-нибудь двигающуюся тень. Он решил не медлить. Он будет стрелять в Куэда, так как знает, зачем это животное заглядывало к нему в окно. Сынишка Стивенса оказался прав. Куэд разыскивал Иоанну. Его подлая душа так и сгорала от желания овладеть ею, а Альдосу было известно, что когда им овладевала страсть, то этот человек превращался в дьявола и был готов на все. Стоя так у стены и прислушиваясь, он его иначе и не считал как зверем. Он приготовился стрелять, но не видел перед собой ничего. До него не долетело ни малейшего звука, ни от топота чьих-нибудь ног, ни от движения телом. Часом позже взошла бы луна, а теперь светили одни только звезды. Саженьях в пятидесяти в стороне он услышал крик совы. На реке что-то всплеснуло. Почти пять минут простоял он так, молча и не двигаясь, точно камень. Он пришел, наконец, к заключению, что идти сейчас на поиски Куэда в темноте было бы совершенно не умно, а потому повернул назад, постучался в дверь и, когда Иоанна открыла, вошел к себе в избушку.

Она все еще была бледной, но глаза ее сверкали.

– Я уже собиралась идти сама, – сказала она. – Стала уже побаиваться...

– ...что он мог бы убить меня в темноте? – перебил ее Альдос. – Что ж, Иоанна, он мог бы это сделать!

Совершенно бессознательно он назвал ее по имени. Но теперь ему показалось самой естественной вещью в мире называть ее именно Иоанной.

– Мне необходимо сообщить вам, – продолжал он, – что за человек этот Биль Куэд и почему именно он заглянул к нам в окошко.

Она повела плечами.

– Нет, нет, не надо... – сказала она. – Я и так догадываюсь!

– Хотя отчасти, – продолжал Альдос, и лицо его изменилось, – для вашей же безопасности необходимо, чтобы вы о нем знали, а не догадывались. Если бы вы были такая же, как и все, то я не раскрывал бы перед вами всей правды, а, наоборот, постарался бы вас от нее оградить. Поэтому вы должны знать все. На всей цепи Скалистых гор есть только один человек, более опасный, чем Куэд, – это Кульвер Ранн у Желтой Головы. Они – партнеры. Они действуют сообща во всех преступлениях, во всех беззакониях, во всем, что только есть на свете дурного, но из чего бы они могли извлечь выгоду или золото. Их влияние среди темных элементов по всей железнодорожной линии громадно. То незначительное количество полиции, которая охраняет движение, не может поделаться с ними ничего. Они нажили уже сотни тысяч, главным образом, на трех вещах: на вымогательствах, продаже спирта и торговле женщинами. Биль Куэд в этом отношении подлее своего компаньона. Это просто какой-то дикий зверь. Кульвер Ранн представляет из себя воспитанную, блестящую змею. Но этот Куэд...

Для Альдоса было почти невозможно продолжать, так как в упор на него смотрели голубые глаза Иоанны.

– ...которого мы сделали своим врагом, – закончила она за него.

– Да, и даже хуже чем это, – ответил он, слегка отвернувшись. – Вы не должны, Иоанна, отправляться к Желтой Голове одна. Вы нигде не должны появляться в единственном числе. И если вы сделаете это...

– То что тогда случится?

– Не знаю. Может быть, даже и ничего. Но вы не должны ехать одна. Я сам провожу вас отсюда к мадам Отто. А завтра я поеду вместе с вами к Желтой Голове. К счастью, я и там имею место, куда смогу вас пристроить и где вы будете находиться в безопасности.

Когда они поднялись, чтобы уходить, то Иоанна грустно сказала:

– Мне так стыдно оставлять посуду немойтой!

Он засмеялся, взял ее под руку, и они вышли за дверь. Когда прошли через поляну и вступили уже в темный лес, он взял ее прямо за руку.

– Темно, и вы можете оступиться, – оправдался он. – Это вам не усыпанная ракушками площадка перед гостиницей «Зеленый мыс»!

– Ну, разумеется! А вы подбирали там маленькие, кроваво-красные раковинки? Я подбирала и теперь еще дрожу. С ними у меня связана неприятная история.

Он знал, что, говоря это, она зорко вглядывалась в темноту и что не воспоминание о раковинах заставляло ее пальчики крепко цепляться за его руку, а боязнь Куэда. Правая рука его сжимала рукоятку револьвера. Каждый нерв в нем был напряжен, но в его беззаботном голосе она не могла открыть ни малейших признаков опасения или готовности.

– Эти красненькие ракушки меня мало интересовали, – ответил он. – Там больше всего я опасался змей. Я безумно боюсь всего того, что подкрадывается ко мне исподтишка, что не имеет ног. Я могу пуститься в бегство от такой змейки, как ваш палец, – уверяю вас, – я убегаю от простой маленькой травянистой змейки с таким же ужасом, как и от питона. Вот это вещь! И не одна только его величина меня ужасала. Однажды я на целых десять футов выскочил из лодки прямо в воду, когда мой товарищ вдруг вытащил на удочку угря и стал уверять меня, что это рыба. Благословляю судьбу, что здесь нет змей. За все свое пребывание на Севере я видел здесь змею всего только раза три или четыре.

Несмотря на беспокойство, которое внушал ей мрак, она весело засмеялась.

– Я не могу себе представить вас боящимся, – сказала она, – хотя верю, что вы можете испугаться именно только какого-нибудь пустяка. Мой отец был самым храбрым человеком в мире, а я сотни раз видела, как он с ужасом отпрыгивал от паука. И если вы так боитесь змей; то что вас носило в Тамполу и на Цейлон?

– Я не знал, что там есть змеи, – ответил он. – Я даже и не представлял себе, чтобы вдоль тамошних отвратительных рек была сосредоточена половина всех змей, живущих на всем земном шаре. Я спал там сидя, ходил в высоких резиновых сапогах, которые доходили мне чуть не до плеч, и носил толстые кожаные перчатки. Я удрал оттуда при первой же возможности.

Когда они входили в Миэтту, увидели впереди себя огоньки: она вдруг обернулась к нему, поглядела ему при свете звезд прямо в глаза и засмеялась.

– Добрый, внимательный Джон Альдос! – проговорила она, точно обращалась к себе самой. – Как было мило с вашей стороны рассказывать мне обо всех этих пустяках, когда мы проходили через этот ужасный темный лес и когда по пятам за нами следовал Биль Куэд!

Он слегка усмехнулся и вдруг остановился, как вкопанный, чтобы спрятать револьвер в карман. Он позабыл это сделать раньше. Увидев оружие; она сразу же стала серьезной, схватила его за руку, и ее рука наткнулась на холодную сталь револьвера.

– Неужели он посмел бы? – спросила она.

– А вы думаете – нет? – ответил Альдос. – Вот почему я и надоедал вам своими пресмыкающимися разговорами, Ледигрей! Вы еще не раз поймаете меня на таких проделках. – Он указал вперед. – А вот и мадам Отто! Она стоит, смотрит в нашу сторону и от всего доброго сердца удивляется, что вы еще не дома и не в постели.

Вход в палатку Отто был широко открыт и, представляя собой черный силуэт на ярко освещенном пространстве, в нем стояла добродушная шотландка. Альдос предупредил ее особым, условным свистком, который служил всегда сигналом для нее и для ее мужчин, и поспешил к ней с Иоанной.

И прежде чем они дошли до самой палатки, Иоанна его ненадолго задержала.

– Я не хочу, чтобы вы возвращались сейчас к себе домой, – сказала она. – Лицо в окошке было ужасно. Я так его испугалась! Я не хочу, чтобы вы были там один!

От этих слов теплота разлилась по всему его телу.

– Ничего не случится, – старался он ее разуверить. – Куэд больше не вернется.

– Я не хочу, чтобы вы возвращались домой, – настаивала она. – Неужели здесь не найдется для ночлега какого-нибудь другого места?

– Хорошо, – ответил он, – в таком случае я пойду утешать Стивенса в его горе и, если вы этого так хотите, сегодня заночую у него.

– Отлично! – весело воскликнула она. – Если вы не, пойдете ночевать сегодня к себе, то я позволю вам сопровождать меня к Желтой Голове. Идет?

– По рукам! – охотно согласился он. – Я не люблю, когда меня выбивают из колеи, но в данном случае с удовольствием соглашаюсь ночевать не дома.

Мадам Отто вышла к ним навстречу. У входа в палатку он пожелал им спокойной ночи и отправился к освещенной улице из палаток и бараков, приютившихся между деревьями. Он поймал на себе взгляд Иоанны, полный боязни и беспокойства. Обернувшись назад из поглотившей его темноты, он заметил, что она немножко задержалась у освещенного входа и посмотрела в его направлении. Сердце у него забилося сильнее. Он захлебнулся от радостного смеха. Как было до странности ново и приятно иметь кого-то, кто о тебе думал!

Он не имел намерения выходить открыто в освещенное пространство улицы. С той самой минуты, как он последовал вслед за Куэдом в темноту, в нем сильно бушевала кровь от желания подраться. Он успокаивал себя, идя с Иоанной, но решение найти Куэда и покончить с ним у него с тех пор было не меньше. Он уверял себя, что он не из тех людей, с которыми Биль Куэд мог бы расправиться как-нибудь иначе, кроме физического насилия. Он не имел никакого такого дела, которое этот негодяй мог бы расстроить какими-нибудь подпольными путями, а ему нечего было терять. Никогда еще он ненавидел так этого Куэда, как с той самой минуты, когда Иоанна вошла в его красную с белым палатку. Он питал к нему отвращение и раньше и избегал его просто потому, что ему было противно с ним встречать; теперь же ему страстно хотелось схватить его прямо за горло. Он собирался было подойти к палатке Куэда с задней стороны, но изменил свое решение и вышел в освещенное пространство между двух рядов палаток и бараков, беззаботно засунув обе руки в карманы. Начиналась разгульная ночь железнодорожных рабочих. Хриплый смех, обрывки песен, хлопанье пробок и звон стаканов, щелканье бильiardных шаров, взвизгиванье трех или пяти музыкальных инструментов – вот что он встретил на своем освещенном пути. Граммофон в палатке Куэда играл безостановочно. Несколько раз Альдос останавливался, чтобы поздороваться со знакомыми. Он не заметил в их отношении к нему ничего нового. Если кто-нибудь из них и слышал о его ссоре с Куэдом, то, наверное, заговорил бы с ним об этом или, по крайней мере, дал бы ему заметить. Несколько минут он разговаривал с Мак-Веем, молодым ирландским землемером. Мак-Вей тоже ненавидел Куэда, но ни одним словом не коснулся его в разговоре. Альдос нарочно прошел мимо палатки Куэда и дошел до самого конца улицы, раскланиваясь и близко подходя к тем, кого знал хоть отчасти. И для него становилось все более и более очевидным, что Куэд и его сообщники сами находили нужным скрывать происшествие сегодняшнего послеполудня. Но ведь Стивенс же услышал о нем? Каким образом?

Альдос замедлил шаги. Точно ничего и не происходило, он вошел в палатку к Куэду. Там сидело с полдюжины выпивак, между которыми он узнал троих, которые присутствовали при дневном скандале. Он поклонился им. За конторкой вместо самого Куэда стоял уже Слим Баркер. Этот Баркер был правой рукой Куэда в Миэтте, и глаза его так и сверкнули, как у мыши, когда Альдос наклонился над прилавком с посудой и потребовал себе сигар. Порывшись в кошельке, он достал из него полдоллара, и глаза их встретились.

– А где же Куэд? – точно случайно спросил он у Слима.

Баркер пожал плечами.

– Чем-то занят, – коротко ответил он. – А вы хотели бы его видеть?

– Нет, я так, случайно... Мне не хотелось бы заводить с ним ссору.

Баркер кинул монету в кассу и отвернулся. Закурив сигару, Альдос вышел. Теперь уже он был уверен, что Куэд с реки еще не возвращался. Не спрятался ли он где-нибудь около его избушки? Эта мысль вдруг испугала его. Но тотчас же он и успокоился. Альдос знал, что, имея столько подручных, Куэд не станет сам лично обогащать свои руки кровью или впутываться в сомнительные и рискованные предприятия. В течение следующего часа Альдос посетил все те места, где бывал и Куэд, и уже собирался отправиться к тому месту, где расположились лагерем инженеры, когда вдруг из-под деревьев выскочила маленькая фигурка и догнала его.

Это был сынишка Стивенса.

– Папа хочет, чтобы вы пришли сейчас к нему, – зашептал он тревожно. – Он приказал, чтобы вы шли прямо к нему и чтобы вас не видел никто. И чтобы и я не попался на глаза никому. Я все время ожидал, когда вы войдете в темноту.

– Беги скорее назад и передай ему, что я сейчас приду! – быстро ответил Альдос. – Помни о том, что он тебе приказал и не попадись на глаза никому!

Мальчишка помчался со всех ног. Альдос огляделся по сторонам и юркнул в темноту.

Четверть часа спустя, Альдос вышел к реке и был уже около палатки Стивенса. Подойдя поближе, он увидел самого Стивенса, который сидел на корточках около потухавшего костра и просушивал свою одежду. Мальчик уже был около него и тяжело дышал от бега. Альдос тихонько его окликнул, и Стивенс медленно поднялся и потянулся. Затем он подошел к тому месту за группой кустарников, откуда его окликнул Альдос. С первого же взгляда Альдос заметил, – что он был прав, принимая предосторожности. Возшла луна и осветила лицо погонщика. Оно было смертельно бледным. Щеки казались еще более впалыми, чем тогда, когда Альдос видел его несколько часов тому назад, и в том, как он держал теперь свои плечи, заключалось сплошное отчаяние. Выражение его глаз испугало Альдоса. Они горели, как уголья, и бегали в разные стороны. Некоторое время оба они простояли молча.

– Садитесь, – сказал, наконец, Стивенс. – Выйдите из лунного света. Я имею вам кое-что сказать.

– Вам ведь известно, что случилось, – продолжал Стивенс тихонько. – Я потерял весь свой табун.

– Да, я знаю, что вас постигло, Стивенс.

Погонщик помолчал немного, а затем схватил Джона Альдоса за руку.

– Позвольте мне спросить вас кое о чем раньше, чем я перейду к делу, – заговорил он почти шепотом. – Вы, пожалуйста, не обижайтесь, но это необходимо. Когда я увидел ее около поезда, то она показалась мне просто ангелом. Вам, конечно, известно о ней все. Что она поряточная женщина, или?.. Ведь вы понимаете, как мы относимся к женщинам, которые приезжают сюда одни? Так вот об этом-то я и хотел вас спросить.

– Она так же чиста, Стивенс, – ответил Альдос, – как и ее глаза. Она из тех женщин, за которых мы идем в огонь и в воду.

– Я был убежден в этом, Альдос. Потому-то я и послал за вами мальчишку. Я увидел ее у вас в избушке после того, как весь мой скот отправился к черту. Когда же я вернулся к себе назад, то застал у себя Куэда. Я был страшно не в духе и много с ним не разговаривал. Но он догадался, что я потерял все. Тогда он пошел к вам. Он потом сообщил мне об этом. Но я и сам догадался, как только он пришел ко мне опять. Никогда еще я не видел его таким, каким он вернулся от вас. Буду краток. Он помешался прямо-таки помешался на этой девушке. Я притворялся, что сочувствую ему, а сам думал только о вас и о ней. Затем он ушел. Он сделал мне предложение.

Стивенс еще более понизил голос и подозрительно оглядел кусты...

– Продолжайте, – заторопил его Альдос. – Мы здесь одни.

Стивенс придвинулся к своему собеседнику так близко, что стал обдавать его своим пропитавшимся табачным запахом дыханием.

– Он предложил мне деньги за весь мой утонувший скот, если я соглашусь устранить вас с его пути не позже послезавтрашнего дня.

– То есть, попросту говоря, убить?

– Да.

Несколько минут тишина нарушалась только одним их напряженным дыханием. Альдос взял погонщика за руку. Это было настоящее мужское рукопожатие.

– Спасибо, дружище! – сказал он наконец. – И он думает, что вы на это способны?

– Я сказал ему, что попробую, и послезавтра утоплю вас в Атабаске.

– Великолечно, Стивенс! Вы можете дать двадцать очков вперед самому Шерлоку Холмсу. И он потребовал от вас этой услуги только потому, что я дал ему по зубам?

– Не совсем! – быстро воскликнул Стивенс. – Ему известно, что эта девица здесь чужая и совершенно одна. Вы принимаете в ее судьбе участие. При вашей поддержке она находится в полной безопасности. Разве вы не понимаете, милейший, его системы? К тому же он ничего теперь так не желает, как ее. Она воспламенила его, как пожар. Он здесь бредил ею; что-то подступило к самому горлу. Дальше уже идти некуда. Он готов на все, чтобы только добиться ее. Он настолько рехнулся, что отдаст за нее все, до последнего доллара. Для вас теперь только и остается одно. Отправьте эту девицу восвояси туда, откуда она пришла, и постарайтесь скрыться и сами. Что же касается меня, то все равно я собираюсь отсюда эмигрировать. Теперь у меня за душой ни доллара, так что я могу отправиться в прерии и наняться там в простые рабочие.

– И вы не правы, совершенно не правы, – быстро возразил Альдос. – Когда я увидел, как ваших лошадей понесло на камни, я уже тогда решил вам помочь. То, что вы мне сообщили сейчас, несколько не меняет моего решения. Я хотел бы вам помочь, Стивенс, во всяком случае. Ведь я добываю денег гораздо больше, чем могу их тратить. Вот, я слышал, Рупер продает своих тридцать лошадей. Почему бы вам не купить их завтра же? я уплачу за них, а вы не считайте себя моим должником. Скоро я собираюсь отправиться в дальнейшую экскурсию, и мы с вами рассчитаемся. А что касается меня и этой дамы, то завтра мы вместе отправимся к Желтой Голове.

Альдос увидел, как погонщик широко раскрыл рот от изумления и выпучил глаза.

– Вы, пожалуйста, не воображайте, Альдос, что я собираюсь себя продавать! – сказал он резко. – Это было бы похоже на плату и мне, и моему сынишке!..

– Я решил это еще раньше, чем повидался с вами сейчас, – повторил Альдос. – У меня есть деньги, и меня вы этим не разорите. Часто мне присылают столько гонорара, что я и не знаю даже, куда его девать. Кроме того, мы будем рассчитываться с вами поездками, ведь я обещал вам это. Эти горы еще долго продержат меня здесь, Стивенс. Я еще не скоро умру и успею еще накататься вдоволь.

– Только не в том случае, – возразил Стивенс, – если вы отправитесь к Желтой Голове.

Альдос вскочил на ноги. Стивенс поднялся тоже и стал рядом с ним.

– Если вы отправитесь к Желтой Голове, – сказал он, – то вы поступите еще глупее, чем я, погубив своих лошадей. Слушайте! – Он наклонился к самому уху Альдоса и зашептал: – За последние полгода между Желтой Головой и фортом Джордж из реки Фрезер было извлечено более сорока трупов. Вам это известно. Газеты называли это «несчастными случаями, происшедшими при постройке железной дороги». Может быть, отчасти это и так. Может быть, половина из этих сорока и погибла случайно. Другая же половина – нет. Всех этих несчастных утопили Кульвер Ранн и Биль Куэд. Раз вы поплывете по Фрезеру, то уж не ждите себе пощады. Уж кто-нибудь выследит вас и отправит ко дну, – может быть, индеец или метис, – а потом, попозже, зароет вас в песок. Я знаю это, потому что работал там на судах, и мне пришлось

однажды самому похоронить четырех таких несчастных. И главное то, что ни у одного из них не оказалось никаких документов в карманах, – ну, хоть бы измятый клочок бумаги. Что это, подозрительно, по-вашему, нет? На Фрезере много не разговаривают. Молчать умеют. А я вам повторяю: Кульвер Ранн и Биль Куэд знают свое дело.

– А вы думаете, что я найду свой конец именно во Фрезере?

– Безусловно. Куэд может обработать это дело там гораздо лучше, чем здесь. А затем...

– Ну?

Стивенс сплюнул в кусты и пожал плечами.

– Затем исчезнет с лица земли и эта прекрасная девица, Альдос, в судьбе которой вы принимаете такое участие. Она скроется так же, как и жена Симеона. Вы помните Симсона?

– Его труп нашли во Фрезере! – воскликнул Альдос, схватив Стивенса за руку.

– Безусловно. А немного спустя исчезла и его хорошенькая жена. Кому какое дело до этого! Все ведь так заняты, что и спросить некогда. А Кульвер Ранн и Биль Куэд отлично знают, что случилось с Симеоном и что затем произошло с его хорошенькой женой. Вы не должны отправляться к Желтой Голове! Вы не должны отпускать туда и ее! Я знаю, что говорю дело. Потому что...

Наступило молчание. Альдос ожидал продолжения. Наконец, Стивенс сплюнул и окончил уже шепотом:

– Сегодня вечером Куэд уже отправился к Желтой Голове сам. Он поехал туда на ручной дрезине. Ему понадобилось лично сказать Кульверу Ранну что-то такое, чего он не осмелился бы передать ему по телефону или по телеграфу. А ему понадобилось сделать это раньше, чем придет туда завтрашний поезд. Поняли?

Глава VIII

Джон Альдос должен был сознаться, что не совсем понял, несмотря на усилия Стивенса вдолбить ему, почему именно для него было так важно отложить свою поездку к Желтой Голове. Так много на него свалилось неожиданностей, что он почувствовал необходимость остаться одному и все обдумать на свободе. Он простился со Стивенсом, сообщив ему, что скоро вернется назад и использует у него пару одеял и уголок в его шалаше, так как решил твердо сдержать данное Иоанне обещание и не ночевать у себя дома даже в том случае, если бы Куэд уехал из Миэгты совсем. Он отправился по освещенной луной тропинке вдоль реки к покинутому землемерами лагерю, зная, что не встретит там никого, и что в этом направлении он найдет достаточно укромных местечек, чтобы, оставшись одному, привести в порядок весь хаос мыслей и событий, через который он прошел в течение всего истекшего дня.

Альдос уже принял целый ряд предосторожностей, но пока не имел разговора со Стивенсом, он не представлял себе, что в своем двойном желании отомстить за себя и овладеть Иоанной, Куэд мог бы пойти сразу так далеко, как это предсказывал погонщик. Его точка зрения теперь уже совершенно изменилась. Он не мог не доверять Стивенсу. Он знал, что этого человека нелегко было раскачать. Это был один их хладнокровных субъектов во всей этой горной местности и имел нервы, как веревки. Мысль о Симеоне и о его жене возмутила его до глубины души. Был ли прав Симеон в подробностях? И действительно ли Куэд готовил такой же конец для него и Иоанны? Зачем, на самом деле, Куэд помчался вперед к Желтой Голове? Почему он не подождал до завтра, когда мог бы уехать поездом?

Он не сразу отправился к Стивенсу, а свернул на три четверти мили в сторону, к станции железной дороги. Там, совершенно случайно, он узнал от краснолицего англичанина-повара, который был оставлен на дежурство на ночь, что Стивенс был прав. Куэд действительно уехал к Желтой Голове. Хотя было уже одиннадцать часов, Альдос проследовал далее к баракам инженеров, – еще четверть мили лишних. Он все еще беспокоился, зная, что все равно не будет спать в эту ночь. У инженеров он ожидал застать темноту и очень удивился, когда увидел яркий свет в отделении Келлера.

Келлер был помощником главного инженера и находился с Альдосом в самых дружеских отношениях. Именно этот самый Келлер произвел первые изыскания для железнодорожной линии у Желтой Головы и настаивал на стратегическом значении этого направления. Альдос обрадовался, когда застал его еще не в постели. Он постучал к нему в дверь и вошел, не дожидаясь ответа.

Инженер стоял посреди комнаты, расстегнув тужурку и заложив в громадные карманы толстые, пухлые руки. Его красное лицо и гладкая лысина так и сияли при свете лампы точно были покрыты лаком. С какой-то странной злобой он поздоровался со своим гостем. Затем заходил взад и вперед по комнате, выпуская целые тучи дыма из своей немецкой трубки.

Альдос присел.

– В чем дело, Питер? – спросил он.

– Довольно! – закричал Питер. – Черт бы их взял! Если бы все было, как следует, то неужели вы думаете, что в такой поздний час я был бы еще на ногах?

– Да, я это вижу по вас, – согласился Альдос. – Если бы чего-то с вами не случилось, то вы спали бы теперь в вашей колясочке, как младенец. Ведь вы такой мастер поспать! Но в чем дело? Чего вы так расходились?

– Да, тут расходишься, когда шутить не приходится вовсе. Вы слышали про медведицу-то?

– Нет, а что?

Келлер вытащил руки из карманов и длинную трубку изо рта.

– Да как же, – воскликнул он, – разве вы не знаете, как я относился к этой медведице? Ведь больше года тому назад вместо того, чтобы убить ее тогда на охоте, я приручил ее. За прошлое лето я добился того, что она стала есть прямо из моих рук! С июля и до самого ноября я прикармливал ее сахаром. Мы стали с ней закадычными друзьями, и я ласкал ее, как собаку. Эта медведица стала для меня значить больше, чем все здешние люди вместе взятые. И она так привязалась ко мне, что до самого января не уходила к себе в берлогу на зимнюю спячку. Этой весной она привела с собой двух медвежат, вывела их на горку и стала поджидать меня. Мы подружились еще больше. И я стал ее опять подкармливать сахаром. Выписывал прямо из Эдмонта. И что бы вы думали, что сделала с ней здешняя сволочь?

– Убила ее?

– Хуже! Я рад был бы, если бы только убила. А то взорвала ее на воздух!

Инженер в бессилии опустился в кресло.

– Слышите? – спросил он. – Эта сволочь взорвала ее на воздух! Положила шапку динамита под сахар, прикрепила к ней провода от батареи и, когда медведица стала лизать сахар, то соединила провода вместе. И я ничего не могу с этим поделать. Черт бы их драл! Медведи ведь не находятся под защитой закона. Здешние власти считают их хуже чумы. Бей, сколько влезет! А эти негодяи воспользовались этим и подшутили надо мной!

На лбу у Келлера выступил пот. Его толстые руки сжались в кулаки, и круглое, пухлое тело затряслось от гнева и возбуждения.

– Когда я вышел к ним сегодня вечером, то они подняли меня на смех, вся эта сволочь, – продолжал он угрюмо. – Я предложил обыскать каждого человека в извозной артели от А до Z, да и не рад, что связался; не забуду этого двадцать лет. Вместо того, чтобы объяснить со мной, как порядочные люди, они схватили меня, повалили на войлок и колотили меня целые четверть часа! Ну, что вы скажете на это, Альдос? Меня, помощника главного инженера Великой Тихоокеанской железной дороги – и вдруг поколотили!

Питер Келлер вскочил с кресла и опять зашагал взад и вперед по комнате, свирепо потягивая из своей трубки.

– Если бы они были с нашей дороги, то я выгнал бы всех их до одного сию же минуту, – продолжал он. – Но они не наши. Они не в моей власти. – Он вдруг остановился против Альдоса и уставился ему в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.